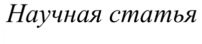

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347.6

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-68-79

Научная статья

Особенности правового регулирования отдельных видов наследственных договоров

И.В. Колесник[1], **И.Е. Рудик**[1, 2]

[1] Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр-кт Ленина, 66

[2] Донской государственный технический университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

✉ rudikinna@rambler.ru

Аннотация

Введение. В доктрине наследственного права большое внимание уделяется конструкции наследственного договора как универсального инструмента планирования наследования. Однако содержание наследственных договоров определяется целью договора. В данной статье дана характеристика каждого из видов наследственных договоров. Цель исследования — определить специфику правового регулирования отношений, основанием которых являются наследственные договоры разных видов, а также обосновать необходимость применения тех или иных способов защиты интересов его сторон.

Материалы и методы. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие при заключении, исполнении и расторжении отдельных видов наследственных договоров. Методологической основой исследования являются общенаучные методы: формально-логический, структурно-функциональный, метод индукции. Из специальных методов использовались формально-юридический и сравнительно-правовой.

Результаты исследования. В соответствии с целью и назначением наследственного договора выделены пять видов этой правовой конструкции: наследственный договор, используемый наследодателем для получения доходов при жизни от посмертной передачи наследства; используемый для финансирования реализации значимых для наследодателя интересов после его смерти; договор, заключенный с целью побудить наследника к определенному поведению до и (или) после смерти наследодателя, в том числе к управлению имуществом наследодателя; наследственный договор, защищающий волю наследодателя от оспаривания наследниками; супружеский наследственный договор. Каждый вид обладает спецификой правового регулирования, выражающейся в способах защиты прав и интересов сторон договора.

Обсуждение и заключения. Анализ эффективности применения рассмотренных видов наследственного договора для достижения целей его сторон позволил сформулировать следующие выводы. Для обеспечения исполнения воли наследодателя после его смерти необходимо допустить учет условий приобретения наследства, наступивших в период, установленный для принятия наследства. Для усиления защиты контрагента наследодателя в возмездных договорах следует разрешить обременение будущего наследства залогом; возложить на наследодателя обязанности по информированию наследника об отчуждении имущества, являющегося объектом договора, и возмещению ему понесенных расходов; признать право наследника на возмещение всех убытков, которые он понес, полагаясь на обещание наследодателя передать ему имущество после смерти.

Ключевые слова: наследственный договор, обязанности контрагента наследодателя, условный наследственный договор, исполнение наследственного договора, отказ от наследственного договора, отчуждение наследодателем имущества.

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Колесник И.В. Рудик И.Е. Особенности правового регулирования отдельных видов наследственных договоров. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2023;1(2):68–79. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-68-79

Original article

Features of Legal Regulation of the Certain Types of Inheritance Agreements

Irina V Kolesnik[1], Inna E Rudik[1, 2]

[1] The Rostov branch of the Russian State University of Justice, 66, Lenin Ave., Rostov-on-Don, Russian Federation
[2] Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ rudikinna@rambler.ru

Annotation
Introduction. In the Inheritance Law doctrine much attention is paid to the Inheritance Agreement construct as a universal tool for planning the inheritance procedure. However, the content of the Inheritance Agreement depends on the purpose of the agreement. In the present article, the features of each type of the Inheritance Agreement are defined. The aim of the study is to determine the legal regulatory specifics of the relationships being the subject of different types of the Inheritance Agreements and justify the need to apply a particular method of defending the interests of the Parties thereto.
Materials and Methods. The social relationships arising from entering, executing and terminating the certain types of the Inheritance Agreements are the object of the present study. The methodological basis of the research includes the general scientific methods: formal-logical analysis, structural-functional and induction methods. From among the specific scientific methods, the legalistic and comparative-legal methods have been used.
Results. Based on the purpose of the Inheritance Agreement, five types of this legal construct have been distinguished: the Inheritance Agreement designated for a testator to receive income during his lifetime from the after death descent of inheritance; the one used for financing the implementation of the important testator's interests after his death; the agreement concluded to encourage the heir's certain behavior before and (or) after testator's death, including management of a testator's property; the Inheritance Agreement protecting the will of a testator from being contested by heirs; the Matrimonial Inheritance Agreement. Each type has the features of legal regulation expressed in the ways of defending the rights and interests of the parties to the agreement.
Discussion and Conclusions. The analysis of the implementation efficiency of the considered types of the Inheritance Agreements in terms of achieving their Parties' goals, allowed formulating the following conclusions. For ensuring fulfillment of a testator's will after his death, it is necessary to allow keeping the record of the inheritance acquiring conditions during the period established for the accession to the heirship. To strengthen protection of a testator's counterparty in the compensatory contracts, it is necessary to allow encumbering the future inheritance with pledge; impose on a testator the obligation to inform a heir about the alienation of property, being an object of an agreement and reimburse him the incurred expenses; recognise the right of a heir for reimbursement of all the losses incurred due to relying on a testator's promise to transfer to him the property after death.

Keywords: inheritance agreement, obligations of the testator's counterparty, conditional Inheritance Agreement, execution of the Inheritance Agreement, refuse from the Inheritance Agreement, alienation of property by a testator.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the reviewer, whose critical assessment of the materials and suggestions for their improvement have enabled the significant enhancement of the article's quality.

For citation. Kolesnik IV, Rudik IE. Features of Legal Regulation of the Certain Types of Inheritance Agreements. *Legal Order and Legal Values.* 2023;1(2):68–79. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-2-68-79

Введение. Наследственный договор является сравнительно новым инструментом планирования наследования, практика применения которого у нас в стране только формируется. В ст. 1111 Гражданского кодекса РФ[1] (далее — ГК РФ) наследственный договор назван в числе оснований наследования, однако в отличие от других оснований (наследования по закону и по завещанию) не получил детального законодательного регулирования. Многочисленные научные публикации активно указывают на пробелы в правовом регулировании этого способа реализации завещательной правоспособности [1–4]. По-видимому, заполнять эти пробелы должны будут судебные органы и нотариусы.

Непосредственно наследственному договору посвящена единственная статья ГК РФ (ст. 1140.1). Законодатель попытался предупредить возникновение пробелов регулирования данных отношений, указав, что к наследственному договору применяются правила ГК РФ о завещании, если иное не вытекает из существа наследственного договора (п. 1 ст. 1118 ГК РФ). Именно это положение дало основание М.В. Смирнову

[1] *Гражданский кодекс РФ. Часть третья*. № 146-ФЗ от 26 ноября 2001 г. Собрание законодательства Российской Федерации. 2001;49:4552.

сформулировать тезис о двойственной природе наследственного договора: автор считает его особым видом завещания, при этом не отрицая его договорной сущности [5].

Следует согласиться с тем, что в отношении определения судьбы имущества после смерти его собственника наследственный договор выполняет ту же функцию, что и завещание, транслирует волю наследодателя посредством закрепления распоряжений имущественного и не имущественного характера. В соответствии с п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ, условия наследственного договора определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к сторонам договора, его пережившим, или оставшимся в живых третьим лицам, которые могут быть призваны к наследованию. Однако двух- или многосторонний характер этой сделки, в отличие от завещания, позволяет реализовать и иные интересы наследодателя за счет обязывания его контрагента по наследственному договору.

Таким образом, наследственный договор может выполнять не только функцию определения правопреемников наследодателя и иных выгодоприобретателей. Определяя «ненаследственное» содержание наследственного договора, законодатель ограничился указанием на обязанность «совершить какие-либо не противоречащие закону действия имущественного или неимущественного характера» (абз. 1 п.1 ст. 1140.1 ГК РФ). Какое содержание, кроме названных в качестве примера завещательных отказов и завещательных возложений, должны иметь эти обязанности? Какое значение их исполнение имеет для наследодателя? На эти вопросы ГК РФ не отвечает. Между тем, данная функция наследственного договора должна определять вторую составляющую специфики его правового регулирования.

В данной статье поставлена цель: рассмотреть особенности каждого вида наследственного договора, обусловленные его назначением, а также определить соответствующие этим видам возможности защиты интересов наследодателя и прав его контрагентов. Указанная цель исследования обусловливает решение следующих задач: 1) определить специфику наследственного договора, который возлагает на контрагента наследодателя обязанности, исполняемые при жизни наследодателя, сравнить его с рентными договорами, оценить возможность присуждения наследодателя к возмещению убытков для защиты прав контрагента при отчуждении наследодателем имущества, являющегося объектом договора; 2) выделить особенности наследственного договора, закрепляющего обязанности контрагента наследодателя, подлежащие исполнению после открытия наследства, провести сравнение соответствующих условий договора с распоряжением о завещательном отказе, исследовать механизм защиты воли наследодателя, выраженной в наследственном договоре, в случае отказа другой стороны от договора; 3) рассмотреть конструкцию наследственного договора, не обязывающего контрагента наследодателя к имущественным предоставлениям, а также возможности защиты интересов наследодателя с помощью условных наследственных договоров; 4) оценить эффективность наследственных договоров, заключаемых с целью согласования интересов наследодателя и потенциальных обязательных наследников, а также супружеских договоров.

Материалы и методы. Наследственный договор известен многим правовым системам. Это всегда сделка, направленная на определение судьбы имущества одной или нескольких его сторон после смерти. В отличие от завещания как односторонней сделки, концепция договора предполагает возможность определенного встречного предоставления, хотя в данном случае, не всегда имущественного. Вид и характер этого предоставления определяют правовое назначение наследственного договора. Складывающиеся при исполнении каждого из таких договоров отношения являются объектом данного исследования.

Методология исследования базируется на применении общенаучных и специальных методов. Формально-логический и формально юридический методы позволяют установить содержание рассматриваемых видов наследственного договора, опираясь на соответствующие законодательные формулировки и их доктринальное толкование. Посредством применения структурно-функционального метода выявляется возможность практического использования данных договорных конструкций для различных целей, преследуемых участниками регулируемых наследственным правом отношений. При этом сравнительно-правовой метод позволяет выявить сходства и различия отдельных видов наследственных договоров с иными наследственно-правовыми инструментами. Метод индукции используется для обобщения полученных в ходе исследования результатов.

В литературе выделяются различные основные причины заключения наследственных договоров в зарубежной практике, которые могут быть актуальны и для нашей правовой системы [1]. Одной из причин заключения наследственного договора является прижизненная потребность наследодателя и близких ему лиц в предоставлении содержания. Соответствующая обязанность контрагента наследодателя по договору является «платой» за получение наследства в будущем. Именно в этом случае наследство можно расценивать как имущественный актив, который приносит доходы при жизни наследодателя. Примером может служить ситуация, при которой нетрудоспособный гражданин, имея в собственности жилое помещение, являющееся его единственным местом жительства, не хочет отчуждать его по договору пожизненного содержания с иждивением,

но при этом стеснен в средствах, нуждается в содержании. Наследственный договор может помочь такому гражданину в реализации его желаний и потребностей. И здесь наследственный договор будет выступать альтернативой договору пожизненной ренты (п. 2 ст. 583 ГК РФ). В отличие от договора пожизненного содержания с иждивением, предметом наследственного договора может быть не только недвижимое имущество (п.1 ст. 601 ГК РФ), но и иное, а также вся совокупность имущественных прав и обязанностей наследодателя.

Используя сравнительно-правовой метод исследования, определим достоинства и недостатки этих договоров для удовлетворения потребностей их сторон. Применение наследственного договора для наследодателя предпочтительнее рентного договора, так как он до конца жизни остается собственником имущества, являющегося объектом договора. Напротив, для наследника наследственный договор является гораздо менее выгодной конструкцией, чем пожизненная рента, поскольку не гарантирует переход имущества наследодателя в собственность его контрагента, ведь наследодатель может отказаться от наследственного договора (п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ) или произвести отчуждение потенциального наследства при жизни (п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ). Абз 2 п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ предусмотрел ответственность наследодателя за отказ от договора в виде возмещения убытков, образовавшихся в имущественной сфере наследника, в данном случае вследствие регулярных выплат наследодателю. На случай продажи наследодателем имущества, на которое рассчитывал наследник, аналогичной нормы нет.

Результаты исследования. В научной литературе, посвященной анализу наследственного договора, единогласно критикуется положение ГК РФ об отсутствии ограничений в отношении отчуждения наследодателем имущества, являющегося предметом наследственного договора. Указывается, что зарубежных аналогов такого регулирования нет [1, 2]. В силу специфики наследственного договора не могут быть применены к этой ситуации ни норма ГК РФ о приостановлении встречного исполнения обязательства (ст. 328 ГК РФ), ни о расторжении договора при существенном нарушении его другой стороной (подп.2 п.2 ст. 450 ГК РФ). Однако наследник, узнав об отчуждении наследодателем имущества, может потребовать расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств (ст. 451, п. 9 ст. 1140.1 ГК РФ). Справедлив при этом учёт возмездного характера этого вида наследственного договора. Наследнику должно принадлежать право требовать возмещения убытков в размере совершенных имущественных предоставлений, если становится очевидно, что он не может рассчитывать на получение наследственного имущества, являющегося объектом договора.

Однако, чтобы заявить в суд иск о расторжении договора, наследник, как минимум, должен знать о совершении наследодателем сделки в отношении имущества, которое должно было перейти к нему по наследству. И.В. Хохловым и Е.А. Форукшиной высказано вполне логичное и обоснованное предложение о законодательном возложении на наследодателя обязанности информировать контрагента об отчуждении имущества [6].

Для того, чтобы интересы сторон наследственного договора легче было привести к общему знаменателю, целесообразно было бы ввести также правило об обременении «обещанного» наследодателем имущества залогом в силу закона. Представляется, что и сегодня это условие в силу принципа свободы договора может быть закреплено в самом наследственном договоре.

По поводу рассматриваемого вида наследственного договора следует добавить, что обязанность контрагента наследодателя, исполняемая до открытия наследства, не обязательно должна заключаться в регулярных денежных выплатах. Возможны и иные варианты имущественных предоставлений, это может быть разовая передача денежных средств или иного имущества в собственность, передача других имущественных прав.

Второй вид наследственного договора предусматривает активацию обязанностей контрагента наследодателя уже после открытия наследства. Так, необходимость обеспечения членов семьи и других близких наследодателю лиц, не способных к самостоятельному управлению наследственным имуществом вследствие несовершеннолетнего возраста, недееспособности, нетрудоспособности и просто личных качеств, побуждает наследодателя к заключению договора с лицом, которое, получив наследство после смерти наследодателя будет обязано предоставлять этим лицам содержание. Здесь функция наследственного договора такая же, как и у завещания, в котором закреплено распоряжение о завещательном отказе. Однако круг лиц, которые вправе требовать исполнения наследственного договора, обозначен достаточно широко. Это могут быть «наследники, душеприказчик, оставшиеся в живых наследодатели по наследственному договору или оставшиеся в живых третьи лица, а также нотариус, ведущий наследственное дело при исполнении своих обязанностей по охране наследственного имущества и управлению таким имуществом до выдачи свидетельства о праве на наследство» (п. 2 ст. 1140.1 ГК РФ).

Если наследник по договору откажется от наследства, то так же, как и при отказе от наследования по завещанию, устанавливающему легат, соответствующие обязательства у него не возникают (п.3 ст. 1140.1 ГК РФ). Обязанность исполнить завещательный отказ, установленная в завещании, по общему правилу переходит на иных наследников, принявших наследство (ст. 1140 ГК РФ). Согласно же п. 4 ст. 1140.1 ГК РФ,

права и обязанности из наследственного договора не могут быть отчуждены их носителями. Поэтому замена обязанной стороны невозможна ни в порядке цессии, ни в порядке универсального правопреемства. Представляется, что возможно подназначение наследника с указанием в договоре, что в случае его призвания обязанности переходят на него. Однако в данном случае необходимо участие этого лица в наследственном договоре. Согласно п. 3 ст. 1140.1 ГК РФ, при отказе стороны наследственного договора от наследства договор сохраняет силу в отношении прав и обязанностей других его сторон, если можно предположить, что он был бы заключен и без включения в него прав и обязанностей отказавшейся от наследства стороны.

Если обязанности предусмотрены для стороны договора, не являющейся наследником, то освободиться от них можно, расторгнув договор в порядке, установленном п. 9 ст. 1140.1 ГК РФ либо совершив односторонний отказ от договора «в порядке, предусмотренном законом или наследственным договором» (абз.3 п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ). Между тем, «законных» оснований для отказа от наследственного договора в одностороннем порядке пока нет, а по поводу возможности установить такое право контрагента наследодателя в самом наследственном договоре тоже существуют сомнения. Н. И. Сосипатрова на основании анализа общих положений об обязательствах делает вывод, что право контрагента наследодателя на односторонний отказ от исполнения обязательства не может быть предусмотрено наследственным договором, поскольку он не связан с осуществлением предпринимательской деятельности его сторонами (п. 1, 2 ст. 310 ГК РФ) [7]. Специальная норма абз.3 п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ утверждает обратное. И здесь правильнее будет поддержать точку зрения о том, что общие положения ГК РФ об обязательствах должны применяться к наследственным договорам в случае, если иное не установлено разделом V ГК РФ [8]. Поэтому вполне приемлемым кажется положение договора о праве контрагента наследодателя от исполнения своих обязательств, сопряженное с потерей третьим лицом-наследником своих прав на приобретение наследства.

Несмотря на совпадение по назначению рассматриваемого вида наследственного договора с завещанием, в котором предусмотрен «завещательный отказ», есть и важное отличие. В отношении завещательного отказа императивно установлено ограничение обязанности наследника по исполнению завещательного отказа пределами стоимости полученного наследства (п.1 ст. 1138 ГК РФ). Представляется, что в наследственном договоре стороны могут обойти это ограничение, если не будут называть соответствующее условие договора завещательным отказом, а еще вернее, если прямо укажут, что обязанность исполняется независимо от стоимости наследства. Из такого понимания пределов исполнения обязанности наследника по договору исходит и Федеральная нотариальная палата[2].

Вопрос об определении правовой природы рассматриваемой обязанности наследника также возвращает нас к проблеме замены должника при отказе стороны договора от наследства. Если в договоре эта обязанность названа «завещательным отказом», то представляется, что в данном случае есть возможность применения ст. 1140 ГК РФ (возложения исполнения этой обязанности на наследников по закону[3]). Вид акта, в котором закреплено завещательное распоряжение, не должен влиять на действительность распоряжений наследодателя. Этот частный случай выявляет проблему, связанную с определением действительности распоряжений наследодателя в наследственном договоре, если остальные стороны отказались от договора. В целях защиты воли наследодателя и на основании п. 1 ст. 1118 ГК РФ следует определить, что такие распоряжения имеют правовой эффект завещания, если только из самого акта не следует невозможность исполнения распоряжения без участия другой стороны договора.

Рассмотренные выше виды наследственных договоров совершенно очевидно являются возмездными (ст. 423 ГК РФ), хотя достижение полного стоимостного соответствия предоставлений сторон здесь не является нормой, общим правилом, как при сделках inter vivos, опосредующих отношения торгового оборота. Ведь все же основной целью наследственного договора, как и завещания, является наделение наследника имуществом, а не обмен материальными благами. Поэтому в наследственных договорах возмездность может или совсем отсутствовать, или носить скрытый характер. Примером может являться наследственный договор, заключенный с целью побудить наследника к определенному поведению, не связанному с имущественными предоставлениями. С.Л. Будылин и Е.Ю. Петров описывают ситуацию, при которой наследник получает стимул участвовать в работе семейного предприятия еще при жизни наследодателя благодаря тому, что, опираясь на наследственный договор, видит себя собственником семейного бизнеса после открытия наследства [1].

Подобные договоры могут быть сформулированы как безусловные и условные. Возможность закрепления в наследственном договоре условия получения наследства предусмотрена ст. 157 и абз.2 п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ. Это

[2] П. 9.7, 9.8 Методических рекомендаций по удостоверению завещаний и наследственных договоров. Решение Правления Федеральной нотариальной палаты, протокол № 03/21 от 2 марта 2021 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_414568 / (дата обращения: 18.04.2023).

[3] *О переходе обязанности из завещательного отказа, установленного завещанием, на наследника по закону.* Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда по делу № 33-19556/13 от 16 сентября 2013 г. URL: https://sudact.ru/regular/doc/jqsuVIEnZrox / (дата обращения: 18.04.2023).

могут быть условия об обстоятельствах, наступление которых к моменту открытия наследства влечет за собой призвание наследника, возникновение у легатария права требовать исполнения завещательного отказа и т.п. В отношении этих обстоятельств при заключении наследственного договора должно быть неизвестно, наступят они или нет, но это могут быть и обстоятельства, полностью зависящие от воли одной из сторон (ст. 327.1 ГК РФ). Таким образом, можно выделить два вида условий приобретения наследственных прав: к первому относятся условия, которые не связаны с исполнением наследником какой-либо обязанности, закрепленной в наследственном договоре (достижение указанного наследодателем возраста, проживание в определенной местности, семейное положение); второй вид условий выполняет функцию способа обеспечения исполнения обязательств контрагента.

Следует отметить, что обусловить получение наследства наступлением каких-либо жизненных обстоятельств или совершением определенных действий наследниками можно и в завещании. Если эти действия должны быть совершены наследником при жизни завещателя, последний может информировать об этом наследника. В обоих случаях (и при закреплении условия в завещании, и при заключении условного договора) наследнику для подтверждения своих наследственных прав необходимо будет представить доказательства выполнения своих обязанностей.

Главный вопрос для наследника, исполняющего волю наследодателя при его жизни, заключается в обеспечении сохранения правовой силы обещаний наследодателя до открытия наследства, ведь и завещание, и наследственный договор могут утратить свое юридическое значение в случае отмены завещания (отказа от договора в одностороннем порядке). И тут важное значение приобретает уже упоминавшаяся норма о возмещении наследодателем убытков, связанных с исполнением другой стороной наследственного договора (абз. 2 п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ).

Взыскивать убытки с потенциального наследодателя, отменившего подобное распоряжение, закрепленное в завещании, кажется немыслимым, так как этот акт ни к чему не обязывает наследодателя. Однако в некоторых зарубежных правопорядках такие «обещания» суды также принимают во внимание. Так, в Великобритании рассматривался спор между родителями и сыном, который по завещанию должен был получить долю в праве на принадлежащую им ферму, но после ухудшения отношений между ними это распоряжение родителями было отменено. Претензия несостоявшегося наследника основывалась на том, что он, рассчитывая на наследство, работал на ферме около 30 лет за символическую зарплату. Суды трех инстанций поддержали его иск, ссылаясь на доктрину вещного эстоппеля. Согласно этой доктрине, необходимо предоставление защиты лицу, в ущерб себе положившемуся на данное другим лицом обещание, от которого последнее нечестно отказалось [9].

Несовершенство конструкции условного наследственного договора, как и условного завещания состоит в том, что он не способен обеспечить исполнение тех обязанностей контрагента, которые возникают после открытия наследства. Учету подлежат лишь те условия, которые наступили к моменту открытия наследства (абз. 2 п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ, п. 3.12 Методических рекомендаций по удостоверению завещаний и наследственных договоров).

Между тем, существует практическая потребность в обеспечении таких неимущественных распоряжений наследодателя, поскольку задействовать механизмы их принудительного исполнения затруднительно. Следовало бы допустить включение в наследственный договор условий приобретения наследства, которые могут наступить и после смерти наследодателя. Однако для того, чтобы нотариус при выдаче свидетельства о праве на наследство мог учесть факт наступления условия, исполнение обязанности должно произойти в течение срока принятия наследства. Кроме распоряжений, исполнение которых не требует материальных затрат, речь может идти об обязанностях контрагента, исполняемых за свой счет. При таком регулировании действия по исполнению распоряжения наследодателя наследником одновременно будут иметь значение принятия наследства. В литературе высказана точка зрения о том, что наследник, являющийся стороной наследственного договора, не должен принимать наследства, поскольку уже выразил согласие на принятие наследства, заключая договор [10]. Однако, на наш взгляд, такая точка зрения представляется неверной, так как ГК РФ не содержит для этого случая каких-либо исключений из общего принципа принятия наследства.

Исследователи вопросов договорного регулирования наследования обращают внимание не только на функции, которые наследственный договор призван выполнять, но и говорят о тех целях, для достижения которых наследственный договор не должен использоваться. Так, В.Ю. Абрамов считает, что содержание договора «не должно быть связано с обязанностью по управлению имуществом наследодателя, так как для таких целей существуют другие институты наследственного права: наследственный фонд» [11]. Однако представляется, что эти отношения тоже могут быть предметом договорного регулирования.

Н.В. Пугачёва и С.Б. Серенко, рассматривая применение наследственного договора для планирования наследования бизнеса, предполагают, что в договоре могут быть указаны следующие обязанности: принять на себя функции единоличного исполнительного органа хозяйственного общества, а в качестве имущественной —

осуществлять выплаты за счет прибыли от деятельности такого общества указанным в договоре третьим лицам, которых наследодатель пожелал обеспечить финансовой поддержкой, голосовать тем или иным образом при принятии корпоративных решений [12]. Согласно п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ, предметом наследственного договора могут быть: назначение душеприказчика, а также обязанность контрагента наследодателя совершить какие-либо действия имущественного или неимущественного характера до или после открытия наследства, которые не противоречат закону (в том числе завещательные отказы или возложения). Такая формулировка вполне охватывает управление наследственным имуществом с целью осуществления за счет него регулярных выплат, иных имущественных предоставлений выгодоприобретателям, которое может осуществлять не только наследственный фонд, но и иное юридическое лицо, а также гражданин. Вполне возможно заключение наследственного договора с лицом, исполняющим функции душеприказчика, в пользу третьего лица – наследника.

Следует согласиться с мнением Н.Е. Сосипатровой и о целесообразности включения в предмет наследственного договора положений о создании наследственного фонда. Автор на основе п. 5 ст. 1124 ГК РФ делает вывод о законодательном запрете на помещение таких распоряжений в наследственный договор [7]. Между тем, представляется, что на основании п. 1 ст. 1118 ГК РФ ГК РФ о распространении правил о завещании на отношения, связанные с заключением и исполнениям наследственного договора, распоряжение об учреждении наследственного фонда также может быть предметом наследственного договора.

При анализе возможных целей наследственного договора, обычно сосредотачиваются на интересе наследодателя, хотя любой договор претендует на удовлетворение потребностей всех участвующих в нем сторон. В противном случае он не будет востребован практикой. Поэтому стоит определить, зачем заключение наследственного договора нужно другой его стороне – контрагенту наследодателя? Вроде бы ответ здесь очевиден: контрагент наследодателя стремится приобрести имущество наследодателя после его смерти. Однако он годится не для всех случаев.

В связи с этим рассмотрим следующий вид наследственного договора, который, как отмечается в научной литературе, позволяет ограничить возможности обязательных наследников требовать причитающуюся им по закону долю [1, 13]. Эта цель наследодателя не может быть достигнута посредством совершения завещания, поскольку обязательные наследники должны участвовать в сделке в качестве сторон. Практическая потребность в таких договорах понятна законодателю. Тенденция усиления действия принципа всемерного обеспечения воли завещателя видна и из других норм наследственного законодательства (см. п.5 1149 ГК РФ об уменьшении доли обязательных наследников, указанных в завещании в качестве выгодоприобретателей наследственного фонда).

Потенциальные обязательные наследники могут идти на заключение такого договора, либо добровольно отказываясь от своих прав полностью или частично, ничего не получая взамен, по мотивам, не поддающимся экономическому анализу, либо соблазнившись «синицей в руках», получение которой гарантирует им наследодатель. К примеру, наследодатель при жизни дарит потенциальному обязательному наследнику квартиру или иное имущество, взяв с него обещание не претендовать на остальное имущество после смерти дарителя.

Однако так ли уж прочно защищает указанный наследственный договор наследство от дополнительных претензий обязательных наследников? Согласно абз. 1 п. 6 ст. 1140.1 ГК РФ, «условия наследственного договора действуют в части, не противоречащей правилам настоящего Кодекса об обязательной доле в наследстве (в том числе об обязательной доле в наследстве, право на которую появилось после заключения наследственного договора)». Исходя из содержания всего п.6 ст. 1140.1 ГК РФ, законодатель стремился урегулировать ситуацию, при которой обязательные наследники не являются сторонами наследственного договора, однако в ст. 1140.1 ГК РФ прямо это не закреплено. Возникает вопрос: следует ли считать зафиксированный в наследственном договоре полный или частичный отказ потенциального обязательного наследника от своих будущих прав, действительным?

Представляется, что в соответствии с принципом свободы наследования, выражающимся, в том числе, в необходимости принятия наследства для его приобретения и возможности наследника отказаться от наследства, следует допустить предварительный отказ наследника от всех или части прав, которые у него появятся после смерти наследодателя на основании закона. Однако при определении действительности такого условия наследственного договора, должны учитываться в совокупности два обстоятельства: возмездность или безвозмездность отказа наследника от своих будущих прав и соответствие будущего наследника на момент заключения договора признакам обязательного наследника. Если нетрудоспособность наследника наступила позднее и при этом отказ его от своих прав не был обусловлен получением какого-либо более или менее значимого имущественного предоставления, следует выделить ему обязательную долю, несмотря на его участие в наследственном договоре. Если наследник уже являлся нетрудоспособным на момент заключения договора, то его воля, закрепленная в договоре, должна быть учтена. Правда такая ситуация впоследствии вполне может обусловить оспаривание наследником этой сделки по основаниям, предусмотренным ст. 179 ГК РФ, но здесь уже

суд будет рассматривать требование наследника, опираясь исключительно на нормы § 2 главы 9 ГК РФ.

Следует помнить, что рассматриваемая цель наследственного договора может быть реализована не во всех случаях. Если обязательные наследники недееспособны или являются несовершеннолетними, то привлечение их лично к заключению наследственного договора невозможно.

Согласно п. 3 ст. 1118 ГК РФ, составление завещания и заключение наследственного договора через представителя не допускаются. И.А. Гребенкина считает, что этот запрет распространяется только на наследодателя, а применять его в отношении контрагента наследодателя нет причин [2]. Нужно согласить с этой точкой зрения и признать, что последний вправе заключить наследственный договор через представителя. Поэтому не исключается возможность заключения несовершеннолетними и недееспособными гражданами наследственного договора в качестве контрагента наследодателя с помощью законного представителя, опекуна, попечителя. Однако предварительный отказ от будущего приобретения обязательной доли в наследстве, совершенный в наследственном договоре опекуном, попадает под регулирование п. 2 ст. 37 ГК РФ, требующего получения предварительного разрешения органа опеки и попечительства.

Контрагент наследодателя не всегда приобретает право наследования по договору, поскольку может действовать в интересах другого лица, обозначенного в договоре в качестве наследника (п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ). Очевидно, что в этом случае контрагент также имеет интерес в заключении наследственного договора, но неимущественного характера. Если контрагентом наследодателя выступает не сам несовершеннолетний или недееспособный гражданин, а опекун или попечитель от своего имени, который «соглашается» на получение подопечным после смерти наследодателя имущества меньшей стоимости, чем причитающееся ему в качестве обязательной доли, ситуация не изменяется. П. 2 ст. 37 ГК РФ запрещает совершение сделок, влекущих отказ от принадлежащих подопечному прав, без предварительного разрешения органа. И этот запрет следует понимать как распространяющийся и на сделки, совершенные в качестве представителя подопечного, и на сделки, совершенные опекуном или попечителем от своего имени.

Следует также обратить внимание на то, что наследственные договоры этого вида относятся к тем, в которых могут быть не предусмотрены обязанности контрагента наследодателя. Интересом наследодателя охватывается сам факт участия обязательного наследника, фиксация его согласия с волей наследодателя. Поэтому такой вид договора позволяет укрепить силу распоряжений завещателя и при опасности оспаривания его после смерти наследодателя по ст. 177 ГК РФ, если в этом договоре участвуют потенциальные истцы.

Во всех рассмотренных выше разновидностях наследственных договоров на стороне наследодателя могут выступать супруги. Это прямо предусмотрено п. 5 статьи 1140.1 ГК РФ и обусловлено, прежде всего, существованием в наследственной массе каждого из них имущества, на которое распространяется режим общей совместной собственности. Закон не запрещает участия в наследственном договоре нескольких наследодателей, которые не связаны браком. Причем, они могут выступать как самостоятельные стороны договора, так и формулировать совместные распоряжения о судьбе общего имущества (например, бывшие супруги, не разделившие совместно нажитое имущество, члены крестьянско-фермерского хозяйства, долевые сособственники). Вполне можно представить в наследственном договоре совместные распоряжения владельцев долей в уставном капитале коммерческой корпорации, обладателей прав на один объект интеллектуальной собственности и т.п.

Особняком стоит наследственный договор, который заключен только между супругами. Он может быть альтернативой совместному завещанию, если предназначен для урегулирования вопросов, связанных с судьбой совместно нажитого имущества или совместно используемого имущества, принадлежащего каждому из них на праве унитарной собственности. Однако для супружеского наследственного договора могут быть характерны и названные ранее цели, особенно если только один из супругов выступает в качестве наследодателя (что уже не позволяет супругам совершить совместное завещание [14]). При этом главной особенностью регламентации супружеского договора является положение абз. 2 п. 5 ст. 1140.1 ГК РФ, согласно которому правовой эффект договора исчезает в случае расторжения брака или признания его недействительным. Видимо, законодатель посчитал, что основой формирования воли супругов, зафиксированной в договоре, является лично-доверительный характер их отношений, а поскольку с исчезновением брака исчезают и такого рода отношения, теряют свою актуальность и волеизъявления супругов. Тем не менее, рассматриваемая норма значительно снижает функциональность договора между супругами. Так, прекращение брака не всегда связано с прекращением общей собственности на совместно нажитое имущество; наличие общей собственности, как и общих детей, может являться стимулом для совместного планирования наследования, для чего бывшие супруги будут вынуждены заключать новый наследственный договор. Представляется, что целесообразнее было бы закрепить прямо противоположное регулирование: сохранить правовой эффект наследственного договора с участием супругов после расторжения ими брака, предоставив им возможность расторгнуть его в общем порядке. Это поспособствует и защите прав иных лиц, являющихся сторонами договора с участием супругов.

Несомненный практический интерес имеет наследственный договор для сожителей, так как позволяет согласовать их волеизъявления в отношении приобретенного в период сожительства имущества на случай смерти одного или каждого из них. В условиях нераспространения на это имущество правил о совместной собственности после смерти собственника пережившему сожителю часто приходится доказывать факт совместного приобретения имущества, включенного в наследственную массу. Еще сложнее ситуация возникает, когда имущество оформлено на пережившего сожителя: включением в наследственную массу доли наследодателя в праве собственности на это имущество озабочены наследники. Наследственный договор способен предотвратить хотя бы некоторую часть таких конфликтов.

Проведенное исследование механизма достижения целей наследодателя и его контрагента посредством заключения различных видов наследственных договоров привело к следующим выводам.

Российское законодательство позволяет прогнозировать заключение пяти видов наследственных договоров, специфика регулирования которых должна быть обусловлена различными способами защиты прав и интересов их сторон.

Основная проблема договоров первого вида, в соответствии с которыми исполнение обязанностей контрагентом наследодателя осуществляется при жизни последнего, связана с обеспечением прав наследника в ситуации прижизненного отчуждения наследодателем имущества – объекта договора.

Второй договор, используемый для финансирования реализации значимых для наследодателя интересов после его смерти, напротив, должен предусматривать механизм обеспечения исполнения его распоряжений контрагентом после открытия наследства, а в случае отказа такого наследника от наследства должна быть решена проблема, связанная с признанием действительности отдельных завещательных распоряжений наследодателя, закрепленных в таком договоре.

Для договора третьего вида, не требующего имущественных предоставлений от наследника, но заключенного с целью побудить его к определенному поведению до и (или) после смерти наследодателя, характерны проблемы обоих вышеназванных видов. Эти проблемы осложнены, во-первых, невозможностью принуждения наследника к ожидаемому поведению имеющимися правовыми средствами, а во-вторых, сложностью применения механизма возмещения убытков для защиты интересов наследника, обосновано полагавшегося на распоряжения наследодателя, но так и не получившего наследство в связи с изменением воли наследодателя или отчуждении им имущества.

Действительность наследственного договора четвертого вида, призванного согласовать интересы потенциального обязательного наследника и наследодателя, должна определяться на основе четко установленных в законе критериев. К ним целесообразно отнести наличие или отсутствие нетрудоспособности наследника на момент заключения наследственного договора, а также имущественных предоставлений такому наследнику со стороны наследодателя в обмен на отказ от будущих наследственных прав. Предварительный отказ потенциального обязательного наследника от будущих прав следует признавать действительными, если наследник уже являлся нетрудоспособным на момент заключения договора либо если нетрудоспособность наследника наступила позднее, но при этом отказ его от своих прав был обусловлен получением имущественного предоставления, покрывающего его обязательную долю.

Супружеский наследственный договор может выполнять почти все названные выше задачи, но имеет и самостоятельное значение как инструмент совместного определения судьбы имущества, находящегося в общей собственности. Совершенствование этого наследственно-правового инструмента должно быть связано с закреплением общего правила о сохранении им юридической силы в случае расторжения брака.

Обсуждение и заключения. Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что появление наследственного договора в гражданском праве России свидетельствует о значительном развитии диспозитивности в регулировании наследственных отношений. Гражданин получил больше возможностей осуществлять экономическую власть над своим имуществом даже после своей смерти, при жизни обязывая других лиц совершать соответствующие интересам наследодателя действия в будущем, после открытия наследства. Кроме того, потенциальный наследодатель сегодня может использовать такой актив как наследство при жизни, «обменяв» его на некоторые блага, получаемые от контрагента по наследственному договору еще при жизни наследодателя.

Результаты исследования также подтверждают, что наследственный договор в некоторых случаях может выступать инструментом согласования желаний наследодателя с притязаниями будущих обязательных наследников при жизни наследодателя, а также способен ограничить случаи оспаривания действительности последней воли наследодателя после смерти при привлечении потенциальных истцов-наследников к участию в договоре.

Появилось больше возможностей для обеспечения исполнения распоряжений наследодателя, указанных в договоре. В этой области необходимо дальнейшее развитие законодательства по пути учета условий призвания

наследников, наступивших после открытия наследства, но в пределах срока принятия наследства. Кроме того, проведенное исследование показало возможность признания за отдельными распоряжениями наследодателя, закрепленными в наследственном договоре, юридической силы и в случае отказа наследника по договору от наследства.

Наследственные договоры в нашей стране в силу различных причин (среди которых главное место занимают несовершенство правовой регламентации и отсутствие опыта практического применения) пока не могут по своей популярности конкурировать с завещаниями. Тем не менее, необходимо отметить, что положительный потенциал наследственного договора как инструмента планирования наследования в будущем заключается в его договорной природе. Являясь стороной этой сделки, наследники еще до открытия наследства получают информацию о своих будущих правах и обязанностях. Наследодатель, в свою очередь, еще при жизни приобретает некую уверенность в том, что его воля будет реализована после открытия наследства так, как он этого желал (именно этот наследник примет наследство, будет исполнять завещательный отказ и т. п.). Мало того, стороны договора закрепляют в нем не две автономные воли, а согласовывают их, что требует иногда взаимных уступок, но зато позволяет содержанию сделки не отрываться от реальности. Любые изменения содержания договора после его заключения возможны тоже как результат совместной деятельности сторон, кроме тех случаев, когда это происходит по решению суда. Особенностями рассматриваемого способа определения судьбы имущества на случай смерти, которая противоречит его договорной природе, является возможность сторон отказаться от договора, а также отсутствие ответственности наследодателя за отчуждение имущества, являющегося предметом договора. При этом в меньшей степени законодательством здесь защищены интересы контрагента наследодателя, что делает актуальным законодательную корректировку правового регулирования рассматриваемых отношений.

Представляется, что меры по укреплению прав контрагента наследодателя должны включать:

– законодательное закрепление обязанности будущего наследодателя уведомить контрагента через нотариуса о совершенной им сделке по отчуждению имущества, являющегося предметом наследственного договора, и возместить реальные расходы, произведенные контрагентом при исполнении им своих обязанностей, соразмерно уменьшению наследственной массы;

– признание возможности обеспечения получения наследником по наследственному договору имущества залогом этого имущества;

– признание практикой обязанности наследодателя, отказавшегося от наследственного договора, возместить не только реально понесенные наследником при исполнении договора расходы, но и возместить иные убытки, которые наследник понес, полагаясь на обещание наследодателя передать ему имущество после смерти.

Список литературы

1. Петров Е.Ю. (отв. ред.). *Наследственное право*: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации. Электронное издание. Редакция 1.0. Москва; 2018. URL: https://m-lawbooks.ru/index.php/product/nasledstvennoe-pravo-postateynyiy-kommentariy-k-statyam-1110-1185-1224-grazhdanskogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii-pod-obshhey-redaktsiey-e-yu-petrova/ (дата обращения: 18.04.2023).

2. Гребенкина И.А. Наследственный договор в российском законодательстве с 1 июня 2019 г. *Законодательство*. 2019;5:20–25.

3. Долинская В.В. О тенденциях развития и проблемах наследственного права России. *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2018;10. URL: https://base.garant.ru/ (дата обращения:18.04.2023).

4. Эрделевский А.М. *О новых институтах наследственного права.* URL: https://www.consultant.ru (дата обращения:18.04.2023).

5. Смирнов М.В. Об особенностях юридических конструкций наследственного договора и совместного завещания супругов. *Научный форум Гаранта: право, бухгалтерский учет и аудит.* 2019;1. URL: https://base.garant.ru/ (дата обращения:18.04.2023).

6. Хохлов И.В., Форукшина Е.А. К вопросу о наследовании жилых помещений посредством наследственного фонда и наследственного договора. *Семейное и жилищное право*. 2022;6:44–48. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения:18.04.2023).

7. Сосипатрова Н.Е. Наследственный договор: критический взгляд на правовую конструкцию. *LexRussica.* 2021;74(11):30-38. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.180.11.030-038

8. Ходырева Е.А. «Estateplanning» и выбор супругами вида наследственного распоряжения. *Вестник Пермского университета. Юридические науки.* 2020;48:364–387. https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-48-364-387

9. Карапетов А. (отв. ред.). *Дайджест новостей российского и зарубежного частного права.* 2022;101. URL: https://m-logos.ru/wp-content/uploads/2022/11/dajdzhest-novostej-chastnogo-prava-oktyabr-2022.pdf (дата обращения: 18.04.2023).

10. Демичев А.А. Соотношение наследственного договора и завещания: дискуссионные проблемы. *Наследственное право.* 2020;4:33–37.

11. Абрамов В.Ю. Порядок наследования и принятия наследства. В кн.: *Практическое пособие с судебным комментарием.* Москва: Юстицинформ; 2022. 500 с. URL: https://base.garant.ru/ (дата обращения:18.04.2023).
12. Пугачёва Н.В., Серенко С.Б. Наследственный договор как новый инструмент сохранения семейного бизнеса. *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2022;5(248):76–88.
13. Гонгало Б.М. Семейное законодательство: проблемы и перспективы. *Пермский юридический альманах.* 2018;1:190–191.
14. Лоренц Д.В. Наследственный договор: подход континентального права. *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2020;2:105–129.
15. Шувалова М. *Потенциальные проблемы исполнения совместных завещаний и наследственных договоров.* 2019. URL: https://base.garant.ru/ (дата обращения:18.04.2023).

References

1. Ed. by Petrov EY. *Nasledstvennoe pravo:* postatejnyj kommentarij k stat'yam 1110–1185, 1224 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Electronic publication. Edition 1.0] / Moscow. 2018. Available at: https://m-lawbooks.ru/index.php/product/nasledstvennoe-pravo-postateynyiy-kommentariy-k-statyam-1110-1185-1224-grazhdanskogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii-pod-obshhey-redaktsiey-e-yu-petrova/ (accessed: 18.04.2023). (In Russ.).
2. Grebenkina IA. Nasledstvennyj dogovor v rossijskom zakonodatel'stve s 1 iyunya 2019 g. [Contract of Inheritance as of 1st of June 2019 in Russian Law]. *Zakonodatel'stvo – Legislation.* 2019. 2019;5:20–25. (In Russ.).
3. Dolinskaya VV. O tendenciyakh razvitiya i problemakh nasledstvennogo prava Rossii [On Evolution Trends and Inheritance Law Problems In Russia]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice.* 2018;10. Available at: https://base.garant.ru/ (accessed: 18.04.2023). (In Russ.).
4. Ehrdelevskij AM. *O novykh institutakh nasledstvennogo prava. Available at*: https://www.consultant.ru (accessed: 18.04.2023). (In Russ.).
5. Smirnov MV. Ob osobennostyakh yuridicheskikh konstrukcij nasledstvennogo dogovora i sovmestnogo zaveshchaniya suprugov. *Nauchnyj forum Garanta: pravo, buhgalterskij uchet i audit – Scientific Forum organised by Garant Data Base: Law, Accounting and Audit.* 2019;1. Available at: https://base.garant.ru/ (accessed: 18.04.2023). (In Russ.).
6. Khokhlov IV, Forukshina EA. K voprosu o nasledovanii zhilykh pomeshchenij posredstvom nasledstvennogo fonda i nasledstvennogo dogovora [On Inheritance of Residential Premises by Means of a Testamentary Foundation and an Inheritance Agreement]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo – Family and Housing Law.* 2022;6:44–48. Available at: https://www.consultant.ru (accessed: 18.04.2023). (In Russ.).
7. Sosipatrova NE. Nasledstvennyj dogovor: kriticheskij vzglyad na pravovuyu konstrukciyu [An Inheritance Contract: a Critical look at the Legal Construction]. *LexRussica*. 2021;74(11):30–38. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.180.11.030-038 (In Russ.).
8. Khodyreva EA. 'Estate Planning' i vybor suprugami vida nasledstvennogo rasporyazheniya ['Estate Planning' and the Selection of an Inheritance Order]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences.* 2020;48:364–387. https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-48-364-387 (In Russ.).
9. Ed. by A. Karapetov. *Dajdzhest novostej rossijskogo i zarubezhnogo chastnogo prava [News Digest Of Russian And Foreign Private Law].* 2022 Oct;101. Electronic edition. Available at: https://m-logos.ru/wp-content/uploads/2022/11/dajdzhest-novostej-chastnogo-prava-oktyabr-2022.pdf (accessed: 18.04.2023). (In Russ.).
10. Demichev AA. Sootnoshenie nasledstvennogo dogovora i zaveshchaniya: diskussionnye problemy [The Correlation Between an Inheritance Agreement and a Will: Discussion Issues]. *Nasledstvennoe pravo – Inheritance Law*. 2020;4:33–37.
11. Abramov VY. *Poryadok nasledovaniya i prinyatiya nasledstva. Prakticheskoe posobie s sudebnym kommentariem*. Moscow: Yusticinform Publ.; 2022. 500 p. URL: https://base.garant.ru/ (accessed: 18.04.2023). (In Russ.).
12. Pugachyova NV, Serenko SB. Nasledstvennyj dogovor kak novyj instrument sokhraneniya semejnogo biznesa. I*mushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii - Property relations in the Russian Federation*. 2022;5(248):76–88. (In Russ.).
13. Gongalo BM. Semejnoe zakonodatel'stvo: problemy i perspektivy [Family Law: Problems and Horizons]. *Permskij yuridicheskij al'manakh – Perm Juridical Almanack.* 2018;1:190–191. (In Russ.).
14. Lorents DV. Nasledstvennyj dogovor: podkhod kontinental'nogo prava [The Hereditary Contract: Roman and German Approaches]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ehkonomiki – Law. Journal of Higher School of Economics.* 2020;2:105–129. (In Russ.).
15. Shuvalova M. *Potencial'nye problemy ispolneniya sovmestnykh zaveshchanij i nasledstvennykh dogovorov.* 2019. Available at: https://base.garant.ru/ (accessed: 18.04.2023). (In Russ.).

Об авторах:

Колесник Ирина Валентиновна, профессор кафедры гражданского права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия (344038, РФ, г. Ростов-на-Дону, пр-т Ленина, 66), доктор юридических наук, доцент, ORCID, nikkipohta@mail.ru

Рудик Инна Евгеньевна, доцент кафедры гражданского права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия (344038, РФ, г. Ростов-на-Дону, пр-т Ленина, 66); доцент кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), кандидат юридических наук, доцент, ORCID, rudikinna@rambler.ru

Заявленный вклад соавторов:

И.Е. Рудик — формирование основной концепции, цели и задач исследования, подготовка текста, формирование выводов. И.В. Колесник — анализ результатов исследований, доработка текста, корректировка выводов.

Поступила в редакцию 20.04.2023.
Поступила после рецензирования 19.05.2023.
Принята к публикации 19.05.2023.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Irina V Kolesnik, professor of the Civil Law Department, Rostov branch of the Russian State University of Justice (66, Lenin Ave., Rostov-on-Don, 344038, RF), D. Sc. (Law), associate professor, ORCID, nikkipohta@mail.ru

Inna E Rudik, associate professor of the Civil Law Department, Rostov branch of the Russian State University of Justice (66, Lenin Ave., Rostov-on-Don, 344038, RF); associate professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344000, RF), Cand. Sc. (Law), associate professor, ORCID, rudikinna@rambler.ru

Claimed contributorship:

IE Rudik: formulating the main concept, aim and objective of the research, preparing the text, formulating conclusions. IV Kolesnik: study results' analysis, revision of the text, correction of the conclusions.

Received 20.04.2023.
Revised 19.05.2023.
Accepted 19.05.2023.

Conflict of interest statement

The authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.